

# ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

## ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

1814—1852

# ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ

ОТЪ

НИЗВЕРЖЕНІЯ НАПОЛЕОНА I

ДО

ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ИМПЕРІИ

1814—1852

А. Л. РОХАУ

---

СЪ НѢМЕЦКАГО

---

ПЕРЕВОДЪ И ИЗДАНІЕ

М. А. АНТОНОВИЧА и А. Н. ПЫПИНА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ II

---

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи О. И. Бакста

Стремянная № 14

1866

КНИГА ВТОРАЯ.

---

# ПОЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.

(Продолженіе).

МИНИСТЕРСТВА 22 ФЕВРАЛЯ (1836), 6 СЕНТЯБРЯ (1836) и 15  
АПРѢЛЯ (1837—39).

Политическія страсти до нѣкоторой степени успокоились, силы партій, враждебныхъ іюльскому трону, на долгое время истощились вслѣдствіе напрасныхъ напряженій и фальшиваго ихъ употребленія, общественное спокойствіе и прочность государственнаго порядка казалось защищены были противъ непосредственной опасности усердіемъ и удачею ихъ защитниковъ и неблагоприятіемъ и ошибками ихъ враговъ. Такимъ образомъ можно было думать, что теперь настанетъ время органическихъ реформъ, потребность которыхъ вообще чувствовалъ, или только прикидывался будто чувствуетъ, всякій и необходимость которыхъ нѣсколько разъ и громко была признана высшими авторитетами государства. Но общественное мнѣніе нисколько не уяснило себѣ не только средствъ, но и самаго содержанія требуемыхъ преобразованій и нововведеній въ области государственной жизни; напротивъ, оно ожидало, что само правительство разъяснитъ ему его потребности и постарается удовлетворить ихъ своими правительственными средствами. Съ своей стороны правительство чувствовало себя не въ силахъ исполнить возлагаемую на него задачу, создать великія реформы, которыя не были приготовлены ни въ общественномъ сознаніи, ни въ положеніи общества, и нѣкоторымъ образомъ октроировать французской государственной жизни высшую степень развитія. Поэтому реформаторскія стремленія правительства пока ограничивались въ сущности только тѣмъ, чтобы исправить частные недостатки существующихъ общественныхъ учрежденій, восполнить небольшіе

пробѣлы въ законодательствѣ, кое-гдѣ облегчить медленный ходъ дѣлъ и содѣйствовать устройству различныхъ учреждений для общественной пользы.

Дѣятельность, направленная на такіе предметы внутренней политики, не могла сильно заинтересовать общественное вниманіе и поэтому взоры французскаго народа искали привлекательныхъ зрѣлищъ во внѣшней политикѣ. Такимъ интереснымъ зрѣлищемъ было послѣдовавшее въ февралѣ 1836 занятіе Кракова войсками Австріи, Пруссіи и Россіи. Весьма сомнительно, достаточно ли оправдывалась эта мѣра безпокойствами, происшедшими въ Краковѣ, и соотвѣтствовала ли она буквѣ трактата, который создалъ польскій вольный городъ; но во всякомъ случаѣ эта мѣра была не болѣшимъ нарушеніемъ правъ независимаго государства, чѣмъ то, которое позволила себѣ сама Франція безцеремоннымъ занятіемъ Анконы. Однако тѣ самые французы, которые громче всѣхъ одобряли экспедицію въ Анкону, теперь стали заявлять самыя бурныя возраженія противъ занятія Кракова: это занятіе показалось имъ не только вопіющимъ нарушеніемъ народнаго права, но и оскорбительнымъ вызовомъ Франціи, дерзкимъ фактическимъ отвѣтомъ на повторявшуюся ежегодно во французской палатѣ фразу въ пользу польской національности. Между тѣмъ тюльерійскій кабинетъ, смотрѣвшій на это дѣло съ обыкновеннымъ безпристрастіемъ и холодностью, вовсе не расположенъ былъ начинать изъ-за Кракова новый споръ съ великими континентальными государствами. Отношенія польской монархіи къ австрійскому и прусскому дворамъ въ это время были до такой степени благоприятны, что Луи-Филиппъ не задумавшись, позволилъ обоимъ своимъ старшимъ сыновьямъ путешествовать въ Вѣну и Берлинъ. Герцоги Орлеанскій и Немурскій какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ не только были приняты съ почестями, подобавшими ихъ сану, но и со всѣми знаками искренней гостепріимной дружбы, и не только одними дворами, но и народомъ, которому легко понравился статный видъ обоихъ принцевъ и въ особенности добродушіе старшаго изъ нихъ. Настоящая цѣль путешествія — найти невѣсть для обоихъ сыновей короля — не была правда достигнута; однако въ Парижѣ очень расположены были считать это путешествіе знакомъ полного примиренія домовъ тогенцоллернскаго и габсбургскаго съ революціонною орлеанскою династіей.

Новое покушеніе на жизнь Луи-Филиппа ускорило возвращеніе его сыновей. Въ полдень 25 іюня, когда Луи-Филиппъ въ сопровожденіи своей супруги и сестры отправлялся изъ Тюльери въ одинъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, къ его коляскѣ близко подошелъ молодой человѣкъ и выстрѣлилъ въ короля изъ духоваго ружья. Пуля ударила въ крышку коляски и никого не ранила. Преступникъ былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія послѣ неудавшейся попытки убить себя. Это былъ отставной унтеръ-офицеръ, по имени Алибо, котораго довели до его отчаяннаго рѣшенія республиканскій фанатизмъ, личная ненависть къ королю, который по его словамъ будто бы погубилъ его отца, и наконецъ жестокая нужда, горе и возбужденное ими презрѣніе къ жизни. Слѣдствіе не могло открыть его соучастниковъ и знавшихъ объ его намѣреніи, но такъ какъ Алибо до своего пребыванія въ Парижѣ нѣсколько времени жилъ въ Барселонѣ, гдѣ тогда испанская «экзальтація» предавалась самымъ дикимъ рѣшеніямъ и дѣламъ, то образовался слухъ, что Алибо есть эмиссаръ существующаго въ главномъ городѣ Каталоніи общества царубійцевъ, — басня, которая при всей своей невѣроятности и недостаткѣ доказательствъ задала много работы тайной государственной полиціи и притомъ не одной только французской.

Представленный на судъ пэровъ 8 іюля Алибо обнаружилъ хладнокровіе человѣка, который уже все порѣшилъ съ жизнью. Онъ старался отвергнуть всѣ обвиненія противъ его характера, а относительно дѣла, за которое онъ былъ преданъ суду, онъ объявилъ, что онъ только воспользовался правомъ, которымъ въ свое время пользовался Брутъ противъ Цезаря. «Цареубійство, — прибавилъ онъ къ этому, — есть право человѣка, который можетъ добиться своего права только своею собственною рукою». Президентъ суда пэровъ, Пакье, чтобы не дать подсудимому возможности продолжать рѣчь въ такомъ же тонѣ, отнялъ у него право слова, — мѣра, въ которой многіе видѣли противозаконное стѣсненіе права защиты, которое даже при реставраціи предоставлено было Лувелю въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. 9-го былъ произнесенъ смертный приговоръ Алибо, и черезъ два дня, послѣ того какъ Алибо упорно отказался подписать просьбу о помилованіи, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе секретнымъ образомъ.

Все чаще и чаще повторявшіяся покушенія на жизнь короля

возбуждали во французскомъ правительствѣ все большую и большую ненависть къ революціоннымъ идеямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали его враждебность къ республиканской партіи. Вслѣдствіе этого тюльерійскій кабинетъ дѣломъ 1836 рѣшился вмѣстѣ съ прочими государствами, сосѣдними съ Швейцаріей, и именно съ Австріей принять мѣры противъ дѣйствій политическихъ бѣглецовъ, которые изъ союзной швейцарской области пытались производить революціонное вліяніе на свои отечественныя страны.

Конечно французскихъ бѣглецовъ было въ Швейцаріи мало или почти вовсе не было, однако правительство Луи-Филиппа въ своихъ дипломатическихъ сообщеніяхъ швейцарскому союзу выходило изъ того предположенія, что существуетъ связь между революціонными происками въ Швейцаріи и во Франціи и что эта связь даетъ ему право и возлагаетъ на него обязанность потребовать въ интересъ собственной безопасности уничтоженія злоупотребленія, которое дѣлается изъ швейцарскаго гостепріимства. Такія требованія Франція представляла еще съ большею настоятельностью и съ большимъ угрожающимъ удареніемъ, чѣмъ нѣмецкія и итальянскія государства, главнымъ образомъ заинтересованныя въ дѣлѣ, и подобно тому какъ въ послѣдствіи незначительный династическій интересъ вооружилъ всю Швейцарію противъ Германіи, такъ и теперь тенденціозная политика тюльерійскаго кабинета изъ выгодъ и угодливости германскому Союзу и Піемонту возбуждала противъ Франціи гнѣвъ и ненависть въ швейцарскомъ народѣ. Открытіе шпиона, по имени Консея, котораго послало въ Швейцарію само же французское министерство, въ то же время, для прикрытія его роли, называя его въ своей дипломатической нотѣ соучастникомъ Фіэски и Алибо,—дало швейцарскому Союзу прекрасный случай опозорить французскую политику и къ прежнему ожесточенію швейцарскаго народа прибавило еще большую долю презрѣнія. Этотъ случай, которымъ Швейцарія воспользовалась самымъ безжалостнымъ образомъ, поставилъ французское правительство въ самое нелѣпое затрудненіе, изъ котораго оно хотѣло выйти при помощи такой уловки: съ видомъ оскорбленнаго достоинства и крайняго отвращенія оно назвало интригу Консея изобрѣтеніемъ политическихъ бѣглецовъ, придуманнымъ для униженія Франціи. То, что швейцарскія власти повѣрили такой злонамѣренной выдумкѣ, если даже не помогли ей, тюльерійскій кабинетъ объявилъ оскорбленіемъ

для себя, за которое ему должно быть дано немедленное и серьезное удовлетворение. Пока оно не будет оказано, французское правительство прерветъ всѣ дипломатическія сношенія съ швейцарскимъ Союзомъ и кромѣ того приметъ мѣры, чтобы запереть границу противъ Швейцаріи.

Объясненію, данному французскимъ правительствомъ на счетъ интриги Конселя, никто конечно не повѣрилъ, но союзное правительство успѣшило успокоить раздраженного сильного сосѣда пониженіемъ тона и податливостью. Въ этомъ смыслѣ Франціи даны были успокоительныя объясненія, которыя безъ большихъ затрудненій довершили дипломатическое примиреніе съ Швейцаріей. Но ожесточеніе швейцарскаго народа противъ Франціи сохранилось еще надолго.

Еще до окончанія швейцарскаго дѣла и дѣла о бѣглецахъ министерство Тьера, на отвѣтственности котораго лежали эти дѣла, должно было выйти въ отставку. Однако поводомъ къ его отставкѣ былъ другой вопросъ иностранной политики, вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Франціи въ дѣла Испаніи.

Еще лѣтомъ правительство королевы Маріи Христины, тѣснимое Донъ-Карлосомъ, потребовало французской помощи въ силу обязательствъ, принятыхъ на себя Франціей по четверному союзу. Тогдашнее министерство Броли, въ особенности по внушенію Тьера, очень расположено было исполнить требованіе Испаніи, но король по своему отвращенію ко всякимъ слишкомъ смѣлымъ предпріятіямъ и вслѣдствіе своего постоянного желанія согласовать по возможности свою политику съ политикою великихъ континентальныхъ державъ, умѣлъ устранить исполненіе обязательства, принятаго на себя Франціей по договору. Скоро послѣ того какъ Тьеръ сталъ во главѣ министерства, послѣдовало новое требованіе вооруженнаго вмѣшательства Франціи въ дѣла Испаніи и притомъ со стороны Англіи, которая уже послала на пиренейскій полуостровъ вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ генерала Эванса. Французское правительство, казалось, не могло уже долѣе уклоняться отъ исполненія обязательствъ, опредѣленныхъ четвернымъ союзомъ; Англія подала ей къ этому примѣръ, даже Португалія, не смотря на разстройство своихъ государственныхъ и финансовыхъ дѣлъ, нашла средства сдержать свое слово, данное въ договорѣ, и также послала вспомогательный корпусъ, а главное во главѣ фран-

цузскаго правительства стоялъ человекъ, который въ прошломъ году былъ самымъ ревностнымъ сторонникомъ вмѣшательства. Но всѣ эти основанія не были достаточно сильны для того, чтобы побѣдить нежеланіе Луи-Филиппа вмѣшиваться въ борьбу испанскихъ партій, его личная воля и на этотъ разъ взяла перевѣсъ надъ намѣреніями министерства, и Тьеръ рѣшился отрицательнымъ отвѣтомъ лорду Пальмерстону допустить явное противорѣчіе самому себѣ, которое только весьма слабо прикрывалось его указаніями на неумѣренность экзальтированной партіи, господствовавшей тогда въ лицѣ Мендизабала. Однако стоявшій въ Алжиріи иностранный легіонъ былъ уступленъ Испаніи и отплылъ къ Таррагонѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вопросъ о вмѣшательствѣ въ третій разъ представился тюльерійскому кабинету и притомъ еще настоятельнѣе чѣмъ прежде. Въ Мадридѣ управленіе перешло въ лицѣ Истурица къ «умѣреннымъ», къ испанскимъ доктринерамъ; въ сѣверныхъ провинціяхъ свирѣпствовала междоусобная война съ большимъ варварствомъ чѣмъ прежде, и кромѣ того среди борьбы между християнами и карлистами грозила выступить на сцену республиканская партія. Королева Христина считала дѣло своей дочери потеряннымъ безъ французской помощи, предлагала руку ея одному изъ сыновей Луи-Филиппа и вмѣстѣ съ тѣмъ осадила тюльерійскій кабинетъ просьбами о помощи. Тьеръ, сильно поддерживаемый честолюбіемъ и воинственнымъ настроеніемъ герцога Орлеанскаго, вынудилъ наконецъ у Луи-Филиппа согласіе на отправленіе въ Испанію вспомогательнаго корпуса въ 12,000 человекъ, который предположено было составить изъ волонтеровъ, желающихъ поступить въ него изъ французской арміи. Но между тѣмъ какъ войска, назначенныя для дѣйствія въ Испаніи, собирались на пиренейской границѣ и ожидали прибытія изъ Африки генерала Бюжо, назначеннаго ихъ главнокомандующимъ, въ Испаніи началось движеніе крайней или такъ называемой экзальтированной партіи противъ министерства Истурица, окончившееся революціей въ Ла-Гранхѣ и возстановленіемъ конституціи, составленной кортесами 1812. Этотъ оборотъ дѣлъ въ Испаніи послужилъ для короля французовъ основаніемъ или предлогомъ взять назадъ свое согласіе на вмѣшательство. Тьеръ и на этотъ разъ уступилъ и согласился отсрочить вступленіе въ Испанію французскихъ войскъ; но Луи-Филиппъ хотѣлъ совершенно оставить задуманное предпріятіе и потому тре-

боваль, чтобы вспомогательный корпусъ просто былъ распущенъ. Тьеръ уже не могъ согласиться на такую мѣру, и такъ какъ и король ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія, то всѣ министры вышли въ отставку и на ихъ мѣсто, 8 сентября, поступило новое министерство, въ которомъ Моле былъ президентомъ кабинета и министромъ иностранныхъ дѣлъ, Персиль — министромъ юстиціи, Гаспаренъ — внутреннихъ дѣлъ, Розамель — морскимъ, Дюшатель — финансовъ, Гизо — народного просвѣщенія, Бернаръ — военнымъ и Мартенъ (du Nord) — министромъ торговли и публичныхъ работъ.

Одну изъ первыхъ задачъ, которою должно было заняться министерство, составляли африканскія дѣла, занимавшія средину между иностранными и внутренними дѣлами. Поэтому мы здѣсь изложимъ весь ходъ африканскихъ дѣлъ до этого времени.

По взятіи Алжира генераль Бурмонъ тотчасъ же принялъ всѣ мѣры, которыя казались нужными для того, чтобы обезпечить для Франціи постоянное владѣніе завоеваннымъ городомъ. Хотя правительство Карла X повидимому не намѣревалось утвердить навсегда свою власть въ Африкѣ, или по крайней мѣрѣ въ своихъ дипломатическихъ объясненіяхъ всегда отрицало такое намѣреніе, но въ то же время предоставляло себѣ полную свободу въ своихъ будущихъ рѣшеніяхъ. Быстрое паденіе столицы въ первую минуту повергло населеніе Алжира въ отчаяніе, вслѣдствіе котораго три значительные васалла дея, бей Константины, Орана и Титтери, обнаружили намѣреніе если не подчиниться Франціи, то признать надъ собою французское господство. И въ самомъ дѣлѣ, со стороны беевъ Оранскаго и Титтери — столицей этого послѣдняго была Бона — послѣдовало такое признаніе, вѣроятно совершенно вопреки ожиданіямъ французскаго главнокомандующаго, который былъ слабъ для того, чтобы вынудить подчиненіе, заявленное теперь ему добровольно. Даже попытки овладѣть городомъ Блидой, лежащимъ не далеко отъ Алжира, превышало силы французовъ и нанесло имъ пораженіе, которое тотчасъ же снова возбудило мужество въ населеніи страны, которое теперь осмѣлилось выразить свои настоящія чувства.

Янычары, составлявшіе главную силу дея, по его совѣту были распущены Бурмономъ и частію на французскій счетъ были отправлены въ Турцію, ихъ родину. Но нѣсколько тысячъ ихъ пред-

почли остаться въ Алжирѣ и составляли теперь самый опасный элементъ въ населеніи столицы. 8 тысячъ человекъ гарнизона лежали въ госпиталяхъ, внутри города готовился бунтъ съ самыми дикими планами, за городомъ собирались убійцы, однимъ словомъ, предпріятія, начавшіяся такъ блистательно, приняли въ теченіе немногихъ недѣль такой худой оборотъ, что само войско стало въ высшей степени тяготиться имъ и по суду самыхъ опытныхъ людей возможность сохранить добытые результаты была очень сомнительна.

Въ такомъ положеніи дѣлъ маршалъ Бурмонъ, какъ отчаянный легитимистъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ Луи-Филиппа былъ отозванъ изъ Алжиріи, и преемникомъ ему назначенъ былъ маршалъ Клозель. Новый намѣстникъ началъ свое управленіе Алжиріей объявленіемъ, что онъ въ силу права завоеванія требуетъ для Франціи всю страну, находящуюся подъ властію деа, и рѣшился привести это требованіе въ исполненіе или мирнымъ путемъ или даже силой. Область, которая такимъ образомъ объявлена была французскимъ владѣніемъ, по величинѣ равна была по крайней мѣрѣ половинѣ Франціи и имѣла отъ трехъ до четырехъ милліоновъ жителей. Только весьма незначительная часть ихъ составляла населеніе городовъ, которые въ небольшомъ числѣ и на большихъ пространствахъ разсѣяны были по обширной странѣ. Изнѣженные мавры и робкіе евреи, составлявшіе главную часть городского населенія, весьма мало были расположены и способны оказать европейскимъ завоевателямъ какое нибудь серьезное сопротивленіе, но прочіе жители Алжиріи—арабы равнинъ и кабилы горъ—имѣли суровую натуру и отличались воинственностью, и кромѣ того защищены были отъ обыкновенныхъ средствъ европейскаго веденія войны своимъ образомъ жизни, климатомъ, почвою и обширными пространствами.

Объявленное новымъ намѣстникомъ господство Франціи не простиралось дальше стѣнъ Алжира и Боны, и если маршалу Клозелю удалось снова завладѣть Ораномъ, который взялъ и потомъ потерялъ его предшественникъ, то все-таки французы и теперь не могли держаться въ этомъ городѣ. Однако Клозель снова восстановилъ самоувѣренность войска и ввелъ нѣкоторый порядокъ въ разстроенное военное управленіе; достигнуть большихъ результатовъ онъ не имѣлъ времени, потому что въ февралѣ 1831 онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто генералу Бертезену.

Бертезенъ приступилъ къ дѣлу съ болѣе скромными планами, чѣмъ его предшественникъ и имѣлъ тѣмъ больше основанія назначить болѣе тѣсныя границы своему честолюбію, что французское правительство, вслѣдствіе непрочности европейскаго мира, принуждено было уменьшить войско въ Алжиріи до 10 тысячъ. Половину этого войска Бертезенъ употребилъ лѣтомъ для похода противъ сосѣднихъ арабовъ, которые пресѣченіемъ подвозовъ грозили умо- рить Алжиръ голодомъ, и противъ города Медеа, населеніе кото- раго, болѣею частію турецкое, не только отказалось повиноваться бею, назначенному Клозелемъ, но заперло его въ его собственномъ домѣ и грозило ему смертію измѣнника. Бертезенъ наказывалъ огнемъ и мечемъ непокорныхъ арабовъ, перешелъ Атласъ, освобо- дилъ бея въ Медеа изъ рукъ его враговъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ обратный путь. Между тѣмъ раззоренныя пле- мена собрались и загородили французамъ тѣсный проходъ Тенія, черезъ который Бертезенъ пробилъ себѣ дорогу только съ потерю нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Это несчастіе снова воспламенило му- жество и надежды арабовъ. Съ помощію мароккскаго императора и бея Константины, который теперь открыто присталъ къ врагамъ Франціи, они сдѣлали сильное нападеніе, которое сначала сопро- вождалось значительнымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ въ сентябрѣ Бона, оставленная французами, была взята и сожжена арабами, и генераль Бойе потерялъ почти все свое войско въ стычкахъ, кото- рыя онъ имѣлъ ежедневно въ теченіи 8 дней, не далеко отъ Тлем- зена.

Всѣ эти извѣстія побудили французское правительство немед- ленно послать въ Алжирію значительное подкрѣпленіе. Въ то же время Бертезенъ былъ о тозванъ, и на его мѣсто былъ опредѣ- ленъ Савари, герцогъ Ровиго.

Между тѣмъ вопросъ: должна ли Франція удерживать афри- канскія завоеванія или отказаться отъ нихъ, ограничить или раз- ширить ихъ—вовсе не былъ рѣшенъ. Преобладающее мнѣніе въ па- латахъ и въ правительствѣ было то, что военные, политическіе и особенно финансовыя интересы страны не дозволяютъ разширенія французскаго господства въ Африкѣ, что было бы благоразумнѣе ограничиться завладѣніемъ нѣсколькихъ крѣпкихъ пунктовъ на бе- регу, которые могли бы служить станціями для кораблей и торго- выми пунктами. Мысль о настоящей колонизаціи Алжиріи не толь-

ко министерству, но и большинству палаты казалась рѣшительно непрактическою и если отъ нея не хотѣли прямо отказаться на словахъ и на дѣлѣ, то только для того, чтобы угодить мнѣнію народа. Народъ же хотѣлъ, чтобы Франція нашла въ Африкѣ вознагражденіе за ея потерянные колоніи въ другихъ частяхъ свѣта, болѣе обширное поприще для національнаго честолюбія и широкое поле славы, величія и власти.

Между тѣмъ вмѣсто всѣхъ этихъ выгодъ Франція не нашла до сихъ поръ въ Алжиріи ничего, кромѣ безплодныхъ битвъ и трудовъ, безславныхъ могилъ для своихъ солдатъ и подрыва для своихъ финансовъ, которые съ каждымъ годомъ все больше разстроивались. При быстрой смѣнѣ главнокомандующихъ и методовъ въ управленіи и веденіи войны ни военныя, ни гражданскія дѣла въ завоеванной или только еще завоевываемой странѣ не могли имѣть успѣха, который бы хоть нѣсколько соответствовалъ средствамъ, положенію и ожиданіямъ французскаго народа. Кромѣ того война противъ арабовъ, какъ обыкновенно бываетъ при всѣхъ войнахъ между различными расами, сдѣлалась для французскаго войска школою варварства, которое обнаруживалось невыразимыми жестокостями, служило пятномъ для французскаго имени и дѣйствія котораго Франція по всей вѣроятности должна была рано или поздно испытать на себѣ самой. Это же самое нужно сказать о жестокостяхъ деспотизмъ и восточномъ развратѣ, которые весьма скоро усваивали себѣ начальники въ Алжиріи.

Савари былъ неспособенъ остановить ужасное одичаніе французскаго войска и дать алжирскому управленію оттѣнокъ менѣе похожій на управленіе нашей. По прибытіи своемъ онъ нашелъ военное положеніе дѣлъ нѣсколько улучшившимся и кромѣ того Оранъ снова былъ во власти французовъ. Но кровавая жестокость, которую онъ обнаружилъ и теперь, какъ прежде въ своей презрѣнной роли при Наполеонѣ, вызвала во второй разъ страшное возстаніе арабовъ. Племя Эль-Уффіа, которое обвиняли въ измѣнѣ, было ночью окружено въ своихъ палаткахъ и ужасной рѣзней истреблено съ женами и дѣтьми. Это громадное убійство конечно устрасило нѣкоторыя слабыя племена, которыя уже почувствовали на своемъ горлѣ ножъ Савари и вслѣдствіе этого просили о помилованіи и соглашались дать всѣ требуемыя отъ нихъ ручательства въ повиновеніи; но отдаленныя и болѣе могущественныя пле-

мена, и не только арабы, но и кабилы, заключили теперь обширный союзъ противъ французовъ, которые дѣйствительно со всѣхъ сторонъ подверглись нападенію и принуждены были ограничиваться только защитой. Правда, Бона 29 марта была снова оставлена арабами и по прежнему досталась во власть французовъ, но черезъ нѣсколько недѣль этотъ городъ былъ окруженъ многочисленнымъ враждебнымъ войскомъ, и едва только могъ отражать нападенія его, не смотря на то что имѣлъ гарнизонъ въ 2,000. Въ то же время и Оранъ былъ тѣсно окруженъ 10 — 12 тысячами арабовъ, которые нѣсколько разъ съ дикою храбростью нападали на него, но все безъ успѣха. Но и послѣ того какъ осада обоихъ этихъ городовъ прекратилась, власть французовъ простиралась только на тѣ мѣста, которыя они могли обстрѣливать изъ своихъ укрѣпленныхъ мѣстъ и блокгаузовъ.

Внѣ этихъ мѣстъ только близъ Алжира сдѣланы были нѣкоторыя попытки поселить и построить колонію. Безмездная раздача земель и обѣщанія многихъ другихъ льготъ и пособій привлекли изъ Испаніи, Мальты, Сардиніи, и даже изъ Германіи довольно переселенцевъ, основавшихъ здѣсь нѣсколько деревень, которыя одинаково страдали какъ отъ бѣдности и небезопасности, такъ и отъ климатическихъ болѣзней. Все европейское населеніе Алжиріи простиралось въ 1832 году едва до 3,000 душъ. Поставленные сначала подъ защиту французскихъ законовъ, они потомъ въ первые мѣсяцы 1833 по министерскому рѣшенію были отданы, подобно туземцамъ, подъ абсолютную власть губернатора; эта мѣра имѣла послѣдствіемъ невыносимый произволъ, жестокія притѣсненія всякаго рода и въ особенности безстыдныя вымогательства, противъ которыхъ нельзя было найти защиты ни у правительства, ни у налатъ. Зажиточные мавры избавились отъ этихъ притѣсненій только тѣмъ, что переселились въ Тунисъ.

Въ мартѣ 1833 Савари отставленъ былъ отъ должности намѣстника. Временнымъ преемникомъ его былъ генералъ Вуароль, который тоже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ уступить свое мѣсто генералу Трезелю. Первымъ военнымъ дѣломъ Трезеля было завоеваніе Буджіи, города, который былъ незначителенъ самъ по себѣ, но обладаніе которымъ давало французамъ новую важную точку опоры при морѣ.

Мѣстомъ важнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ теченіи 1833 го-

да была провинція Оранъ. Военнымъ начальникомъ здѣсь былъ генераль Демишель, а противникомъ его былъ молодой Абдель-Кадеръ, слава и власть котораго распространились скоро по всей Алжиріи. Послѣ длиннаго ряда горячихъ битвъ, въ которыхъ обыкновенно одерживали перевѣсъ французы, но отъ которыхъ не теряли однако мужества Абдель-Кадеръ и фанатизированныя имъ племена востока, генераль Демишель въ февралѣ 1834 заключилъ мирный и дружественный договоръ съ молодымъ эмиромъ, который вслѣдствіе этого имѣлъ время и миръ для того, чтобы утвердить свою власть и организовать свои войска по примѣру французскихъ.

Въ концѣ 1833 и въ началѣ 1834 г. въ министерствѣ и въ палатахъ серьезнѣе, чѣмъ когда либо занялись вопросомъ — слѣдуетъ ли утвердиться въ Алжиріи и въ какихъ размѣрахъ. Правительство поручило особенной комиссіи, составленной изъ уважаемыхъ людей, изслѣдовать на мѣстѣ фактическія данныя, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣло рѣшеніе этого вопроса, и эта комиссія послѣ тщательнаго обсужденія дѣла высказала такое рѣшеніе: честь и интересъ Франціи не позволяютъ ей отказаться отъ своихъ африканскихъ владѣній. Между тѣмъ европейское населеніе возрасло до 9,000 душъ, нѣкоторыя изъ основанныхъ переселенцами колоній, по видимому, достигли благосостоянія и заключенный съ Абдель-Кадеромъ договоръ давалъ большую надежду на окончательное установленіе мирнаго положенія.

Сообразно съ этими воззрѣніями и надеждами правительство занялось основательнымъ преобразованіемъ управленія Алжиріи, недостаткамъ котораго приписывало медленность успѣховъ колонизаціи и тѣ несоразмѣрныя издержки, которыми они были куплены. Въ іюнѣ генераль Друэ д'Эрлонъ съ самыми широкими полномочіями назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Алжиріи, которую теперь официальный языкъ называлъ «французскими владѣніями въ Сѣверной Африкѣ».

Однако событія 1835 года вовсе не оправдывали той увѣренности, которую правительство обнаруживало указанными мѣрами. Конечно племена равнинъ Алжира, даже разбойническое братство таджутовъ были покорены до такой степени, что платили подать и не отваживались на открытую враждебность, однако за исключеніемъ дуаровъ и смеловъ, которые продали Франціи своего шейха, французы не могли положиться даже на одинъ день ни на